

А. Ю. Согомонов

УДК 174 + 159.955

Устойчивость как прикладная метаэтика *

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы цивилизационного транзита на основе теорий устойчивости и устойчивого развития. Пересмотру подлежат не только идеи и концепции, но ценности и жизненные практики людей. Эти перемены настолько масштабны и настолько глубоко затрагивают основы нашего мира, что неизбежно касаются антропологических и нравственно-культурных оснований современного общества. Этика устойчивого развития не является некоей новой доктриной или инновационной моральной парадигмой. Она всецело обращена к практическим проблемам человечества, пытаясь по мере возможности придавать им этическое звучание. Но главное – этика устойчивого развития выступает своего рода «собирателем» частных прикладных этик в большой метаэтический кластер.

Ключевые слова: устойчивость, устойчивое развитие, прикладная метаэтика.

Вместо того чтобы изучать практические вопросы, моральные философы ограничивают себя тем, что исследуют природу самой морали.

Питер Зингер (1986)

То, что «устойчивость» (sustainability) в современном политическом лексиконе и публичном дискурсе не означает простую или дол-

* Седьмая статья цикла «Устойчивый университет». Предшествующие статьи цикла см.: Согомонов А.Ю. «Устойчивый университет» (генезис концепции) / Вестник прикладной этики. Вып. 48. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 142-161; Согомонов А.Ю. «Устойчивый университет» (миссия, смыслы, программы, кейсы) / Вестник прикладной этики. Вып. 49. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 151-170; Согомонов А.Ю. «Устойчивый университет» (образы будущего, актуальные проблемы и тренды) / Вестник прикладной этики. Вып. 50. Тюмень: НИИ ПЭ, 2017. С. 117-133; Согомонов А.Ю. «Устойчивый университет» (инновации, постуниверситет, этика) / Вестник прикладной этики. Вып. 51. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. С. 112-126; Согомонов А.Ю. «Устойчивый университет» (академическая наука, высшее образование и прикладная этика) / Вестник прикладной этики. Вып. 52. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. С. 119-133; Согомонов А.Ю. «Устойчивый университет» (транзит университетского образования и судьба «профессората») / Вестник прикладной этики. Вып. 53. Тюмень: НИИ ПЭ, 2019. С. 73-91.

госрочную стабильность, усвоили, похоже, все здравомыслящие люди, за исключением заскорузлого чиновничества и совсем отставших от современной жизни обывателей. Спрашивается, какие в таком случае корректные и адекватные инновационному смыслу значения вкладываются в понятия «устойчивость» и «устойчивое развитие»?

Эпитет «устойчивый» сегодня прилагывается ко всему, что, как может показаться на первый взгляд, обладает свойствами нестабильности, непредсказуемости, непрозрачности, непривычности и обратимости. Иными словами, ко всему, что кажется хрупким и легко разрушаемым, исторически преходящим и не вечным, но при этом чрезвычайно значимым для судеб человечества. Устойчивый мир, устойчивая национальная и глобальная экономика, устойчивое здравоохранение и образование, устойчивый спорт и образование, устойчивое развитие локальных сообществ, в конце концов. Все это, разумеется, – родственные и фундаментально важные для жизни людей социальные феномены, в отношении которых во всем мире *этический подход довлеет над чистой прагматикой*. Нашим современникам свойственно вполне естественное желание – обладать понятной для них социальной природой сообществ, ожидаемым моральным поведением со стороны членов ближнего и дальнего окружения, а также внятной перспективой, чтобы не ожидать постоянно каких-то непредвиденных перемен, нескончаемой череды внезапных трансформаций.

Не ведет ли такая логика к интеллектуальному самообману или, хуже того, к неосознанному заблуждению, проистекающему из нашего коллективного желания «умными» словами управлять сложной реальностью и малопредсказуемым будущим? Ведь мы, по сути, мало что меняем в своем социальном бытии вслед за галопирующими технологическими переменами. При этом страстно хотим большей предсказуемости, в том числе и в предвидении негативных последствий.

Первыми, как обычно, забили тревогу экологи. Для многих из них «устойчивость» и «устойчивое развитие» суть псевдонаучный шум, академический словесный хлам, затуманивающий подлинные значения наступившей эры экологической деградации и *утраты истинных природных смыслов* человеческого существования [15, 16, 17]. Благодаря им механизм нового этико-прикладного мышления (биоэтика) был все-таки запущен по всему миру. Но нет полного согласия ни в академической, ни в экспертной средах относительно четких границ этого интеллектуального движения. Кто-то из исследователей насчитал в литературе более 70 самых широко употребляемых определений устойчивости. И почти в каждом из них просматривает-

ся аутентичный этический стержень [подробнее об исторической и семантической эволюции «устойчивости»: 4, 20].

«Устойчивое развитие» стало поистине общепризнанной концепцией глобального порядка, отражающей глубинный и напряженный поиск *новой концепции сбалансированности природы-общества-человека-морали*. И в рамках этого поиска прикладная этика лишь набирает обороты, не снижая своего этико-психологического давления на наше массовое сознание.

С легкой руки Джеффри Сакса в научной литературе закрепилось понятие «антропоцена», обозначающего современную геологическую эпоху, в которой решающим фактором природных и климатических изменений становится человек и его жизнедеятельность [анализ понятия: 1, 18]. В этом смысле, именно он сегодня является чуть ли не самой главной «природной катастрофой». Список глобальных последствий его непродуманной политики настолько хорошо всем известен, что вряд ли имеет смысл это повторять. Сегодняшняя насущная потребность очевидна: всему миру необходим принципиальный пересмотр философии и этики человеческого активизма как базового компонента экосистемы земли, прежде всего, за счет осуществления двойного отказа: (1) от идеологии экономического роста в пользу сбалансированного развития, (2) от разрушающих экосистему хозяйственных практик в пользу сберегающих ее.

Население планеты уже превысило психологически важную отметку в 7 миллиардов, из которых большинство проживает весьма скученно в более чем 2-х миллионах городов мира, из которых несколько сотен потребляют большую часть всех натуральных продуктов и ресурсов. Ведь неслучайно именно наше время нередко именуется в социальной науке первым в истории тотально «урбанистическим столетием». А вот соответствовать его требованиям и не бояться его вызовов по плечу лишь тем новаторам, которые становятся таковыми благодаря своему лидерскому духу, строгой приверженности нормам и ценностям биоэтики и общественной философии сбережения природно-антропологического разнообразия.

Так что же в связи с этим делать людям на местах? И можно ли вообще рассчитывать на успех общего дела, если в процесс внутренней трансформации включаются отнюдь не все национальные общества (не говоря уж о локальных городах и местных сообществах), а только те лидеры, кто осознал, прочувствовал или даже пережил опыт глобальных угроз и катастроф, а потому психологически готовы к «метанойе» («перемене ума» – др.-греч. термин, означающий состояние умственного покаяния и готовности к радикальному пересмотру своих ценностей)? Исследования показывают, что людям

одной только готовности к переменам мало, нужны новые идеи и образцы успешных практик.

На рубеже тысячелетий события развивались стремительно. Доклад международной Комиссии под руководством Гро Харлем Брундланд «Наше общее будущее» (1987) определяет смыслы «устойчивого развития» и провозглашает его как глобальный приоритет. Декларация международного саммита в Рио-де-Жанейро (1992) относит «устойчивое развитие» к числу базовых «прав человека». Киотский протокол (1997) вводит ответственность стран и транснационального бизнеса за устойчивость планеты. А затем саммиты ООН в Йоханнесбурге (2002) и вновь в Рио-де-Жанейро (2012) подтвердили значительное увеличение глобального дисбаланса и неравенства – в приросте населения, потреблении, уничтожении невозобновляемых природных ресурсов и т.д. Мир в целом ужесточил требование следовать принципам и ценностям устойчивого развития, несмотря на возрастающее этому сопротивление.

Основатель международной организации «Worldwatch», Лестер Браун, в книге «Создавая устойчивое общество» (1981) пишет уже не только об отказе от хозяйственных практик индустриальной эпохи (когда крупный бизнес извлекал сверхприбыли вопреки принципу природосбережения), но и о необходимых институциональных и этико-культурных переменах. Речь идет не только о защите природы, но и о создании «зеленых индустрий», введении устойчивого высшего образования для подрастающих поколений и, наконец, о кардинальном пересмотре норм городского планирования и управления: от хаоса – к устойчивому проектированию [3].

К концу века мы наблюдаем новый виток публичных дискуссий, на сей раз не между противниками и сторонниками, а двумя ветвями адептов концепции устойчивого развития. Одни из них по-прежнему считали необходимым придерживаться стратегии роста, но с многочисленными уступками в сторону «прав» окружающей среды и большей чувствительностью к проблемам природы. Акцент переносился с задачи роста благосостояния на преодоление зависимости бедности от природной деградации. Другие адепты предлагали более кардинальный сценарий: полностью отказаться от стратегической установки на экономический рост – вполне достаточен «нулевой» или даже отрицательный рост [5].

Если первые адепты концепции устойчивого развития философски и этически оставались приверженцами доктрины «свободного рынка» (freemarket), то вторые настаивали на ее *этико-прикладном обновлении* в пользу «честного рынка» (fairmarket). Соответственно, если первые апеллировали к национальным правительствам, то вто-

рые – к низовому уровню, местному самоуправлению. Можно сказать, что с этого момента спор приобрел планетарную окраску, сосредоточившись не столько на прагматических, сколько морально-духовных аргументах: между всевозможными сценариями устойчивого развития и глобальным развитием во имя устойчивости [подробнее: 13]. В 2000-ом году Швейцария стала первой страной мира, включившей понятие «устойчивое развитие» в текст своей Конституции.

В 2000-е годы «устойчивость» из периферийного сюжета превратилась чуть ли не в самую главную тему глобального этического дискурса. Несмотря на то, что начало нового тысячелетия еще не стало веком устойчивого развития, очевидно, что мир уверенно движется именно в этом направлении [11]. Способствуют этому многочисленные техногенные катастрофы, алармистские климатические прогнозы, серьезные подвиги в массовом моральном сознании людей. И, что не менее важно, сама тема устойчивости из фрагментарной (преимущественно озвученной экологическими экономистами и защитниками окружающей среды) превратилась в добротную академическую дисциплину (sustainability science) [9].

Моральная философия устойчивого общества осмысливает отныне не только хозяйственные и природосберегающие сюжеты, но и социальные, культурные и духовные аспекты этой большой темы. Именно в 2000-е гг. «устойчивость» из сложного объекта анализа превратилась в фундаментальный способ научного и политического мышления, инструмент познания мира. Все его сюжеты рассматриваются сегодня сквозь призму устойчивого развития. Но самое главное – «устойчивость» становится креативной идеей для исследователей, экспертов и действующих политиков. В том числе и в самый инновационный и откровенный за последнее столетие предмет прикладной этики. Точнее сказать, если переформулировать этот тезис в обратной логике: *сама теория устойчивости стала сегодня своего рода прикладной метаэтикой*. Настолько (а) масштабен ее объектный охват и (б) глубинна актуальная цивилизационная трансформация в ее направлении.

Измерение «устойчивости человеческих практик» становится приоритетным предметом научного изобретательства ученых. Можно с уверенностью говорить о том, что сегодняшний мир вполне измерим с точки зрения устойчивости его эволюции на макро- и микроуровнях. Речь идет не только о замерах геоклиматологов, но и многих других социокультурных индикаторах устойчивости. В соответствии с этим мы можем говорить об общем прогрессе, уровне «здоровья» промышленности, о степени «озеленения» индустриальных

процессов, возобновляемости энергоресурсов, характере переработки отходов, органичности потребительских товаров, чистоте продуктов общего пользования (воздух, вода), а также – справедливом перераспределении услуг и их доступности для всех людей, реальном участии граждан в процессах принятия решений, их информированности о рынке. Никогда ранее мы не обладали такими знаниями о взаимоотношениях мира и человека и равным образом никогда и не хотели столь активно внедрять их в наши жизненные практики как ныне в эпоху big-data.

В классическом восприятии «устойчивость» в человеческой эволюции шаблонно привязывается к экологическому развороту лидеров современной цивилизации. Однако концепция устойчивого развития, хоть и выкристаллизовалась из «зеленой экономики», но отнюдь не ограничена лишь экологическими измерениями. Параллельно она предполагает технологический, социальный и нравственно-культурный векторы цивилизационных перемен. Приблизительно с 2010-го года все инновационные идеи, имеющие отношение к «устойчивому развитию», с языковой подачи экспертов «Фонда дикой природы», стали во всей своей совокупности именоваться «повторным открытием города» (*reinvention of the city*). Ибо в основании всех процессов отныне лежит глубокая *ценностная революция*. Она хоть и происходит, прежде всего, из недр западной традиции моральной философии, но по своей направленности становится экуменической и обращена уже ко всему миру. Эту ценностную реинкарнацию переживают сегодня многие города Европы, Азии, обеих Америк и даже Африки.

Базовый постулат устойчивого развития – осуществимость глобального ценностного выбора. Но этот выбор, по сути своей, означает примирение целе-рационального и ценностно-ориентированного социального действия. Мировое сообщество своим коллективным разумом осознает тупики, ошибки и опасности старого пути общественного и хозяйственного развития и отвергает их. Но, сохраняя приверженность к практическому освоению (наука, технология, здравый смысл), оно не считает постыдным опираться только на традиционную аппликацию норм и принципов прикладной этики к природе и человеку действующему. Конечно, речь также не идет о наивном воспроизводстве ценностного традиционализма в условиях XXI века, а в каком-то смысле можно говорить о наступлении новой эпохи *примирения разума и веры на платформе прикладной метаэтики*.

Курс на устойчивое развитие это всегда транзит народов из разных нравственно-исторических контекстов, но всех их объединяет

понимание того, что подобный переход должен осуществляться одновременно индивидуально и коллективно, национально и планетарно. Его нельзя совершить ни в одиночку, ни «по приказу сверху». Поэтому стартовой позицией для всех является погружение в ценности остальных участников транзита. Экологические, социальные и духовные ценности Запада и Востока не тождественны друг другу, а порой и существенно разнятся, однако искомый переход к устойчивому развитию совершать приходится им совместно, взаимно проникаясь смыслами Другого [ср.: 2].

Следует ли из этого, что сегодня человечеству нужен глобальный ценностный синтез или важнее поиск общих наднациональных этико-прикладных оснований? Ответ со всей очевидностью проистекает из логики сторонников устойчивого развития: различие и многообразие суть два приоритета экосистемы, а посему только поиск общих оснований может обрести статус единственно возможной на будущее культурной политики. К примеру, ценность «заботы» (эмпатия), так или иначе, делает разные культуры едиными в своем отношении к природному миру и обществу. Неолиберальная экономика, в оценках индийского экофилософа Ванданы Шива, создает ложные надежды и недооценивает «товарный статус» всего природного, по существу ее придется реформировать. Обновленное хозяйство должно быть построено на ценности заботы о природе и здоровье человека. Но этой холистической и, отчасти, локально ориентированной модели противостоят массовая агрикультура индустриального образца, международные продуктовые рынки, пищевая и биохимическая промышленности. Устойчивое развитие всей агросистемы предполагает, по ее мнению, кардинальную переоценку роли низовых производителей в устойчивости местной экономики и природоохранной деятельности, что в свою очередь потребует от горожан-потребителей гарантий справедливого возмещения и честного вовлечения экопроизводителя в локальный демократический процесс [19]. Этот кейс довольно показателен с позиции прикладной этики – он интерпретирует «устойчивость» как полисубъектный этико-коммуникативный процесс.

Однако каким образом можно достичь ценностного баланса не только между разными этническими и нравственными культурами, но и между участниками, которые исторически радикально отделены друг от друга, как, к примеру, современные западные нации и аборигены Африки и Океании. Тезис о естественном натурализме их мировоззрения давно подвергается сомнению, хотя у них по-прежнему есть многое, чему нам следовало бы поучиться, но задача и состоит

в том, как инкорпорировать их полную противоречивую картину мира в холистический этико-прикладной продукт.

Единства достичь непросто и с такими древними цивилизациями, как китайская и индийская, с их извечно благоговейным отношением к природе, но актуальные задачи индустриализации и модернизации этих стран-гигантов делают их участие в устойчивом развитии весьма двусмысленным [подробнее: 2]. А главное, общность интересов и ценностей необходимо достичь между двумя типами глобальных игроков: теми, кто оперирует свободным рациональным выбором и научным знанием, и теми, кто опирается на веру и традиционный опыт. И в этом, пожалуй, самый большой вызов прикладной метаэтики, ибо разнообразие культур должно восприниматься ею не как барьер, а как фундаментальный ресурс движения вперед.

Впрочем, в эпоху антропоцена – это не сложно додумать – экоустойчивость покоится, прежде всего, на социальной устойчивости. Именно от того, каким образом сконструировано местное сообщество, можно судить о перспективах его транзита. Еще пару десятилетий назад тема социальной устойчивости считалась периферийной, но сегодня ее теоретический и практический статусы принципиально изменились. Об этом свидетельствует резкий рост неправительственных организаций, вовлеченных в этот процесс, а также заметно возросший интерес со стороны правительственных структур и бизнеса. Социальная устойчивость в публичном дискурсе сегодня занимает достойное её значению место, наряду с экологической и экономической устойчивостью. И концептуально восходит к теории социального капитала. Впрочем, и здесь нет согласия среди исследователей и экспертов. Чаще всего, когда речь заходит о социальной устойчивости, то имеются в виду общественные институты и публичные политики, вовлекающие разные группы людей и культурные практики – на равных и справедливых основаниях – в общее и сбалансированное пространство коллективных действий, ценностей, интересов. Иными словами, общественная ориентация на социальную устойчивость также предполагает, первым делом, апелляцию к прикладной метаэтике, честность в жизненных шансах и распределении общих и открытых ресурсов, а также адекватное обеспечение социальными услугами, равенство, политическую прозрачность и активное участие людей в гражданской жизни [8]. Но все эти благие пожелания, к сожалению, пока сильно контрастируют актуальным реалиям нашего мира.

В последнее время мы стали говорить о другом (не менее важном, чем экономика, экология и социальный строй) измерении устойчивого развития – духовно-нравственном. Содержатся ли в концеп-

ции «устойчивое развитие» аутентичные моральные смыслы? Очевидно, да. Но на что мы, в таком случае, этически опираемся? Отчасти – на «золотое правило» морали, полагая, что и к окружающей среде надлежит относиться так, как мы хотели бы, чтобы она относилась к нам. Эта формула справедлива, кстати, и в отношении будущих поколений. Отчасти, мы можем исходить из принципов универсализма, то есть кантовской философии ориентированного на моральный долг человека. А значит, что эту концепцию мы обязаны принять как своего рода категорический императив в трансформации всей нашей хозяйственной и общественной деятельности. В конце концов, мы вправе апеллировать и к утилитаризму, отстаивая его главный посыл: морально оправдано только такое действие, которое способствует благополучию большинства людей, а любой по форме и ценностям эгоизм не может быть морально одобрен и принят.

Как полагает Х. Маркус, все эти традиционные способы этического обоснования перехода человечества к устойчивому развитию имеют свои сильные и слабые стороны. С его точки зрения, было бы сегодня корректнее говорить о зарождении новой моральной парадигмы – особой этики устойчивого развития, то есть по сути того, что я именую «прикладная метаэтика устойчивости». Всякое решение в пользу устойчивости есть, в первую очередь, этически обоснованное индивидуальное или коллективное действие [14]. В поддержку этико-прикладного подхода к устойчивости эксперты все чаще обращаются к классическим и традиционным религиям. Во-первых, они обнаруживают буквально во всех религиозных системах про-активное отношение к установкам и принципам устойчивости. Во-вторых, считают, что экологические ценности вообще обязаны своим генезисом именно религиозному сознанию. И, наконец, в третьих, они активнее привлекают современную теологию, разрабатывая концепцию синтеза рациональности и веры – «эко-теологию» [7].

При всей своей привлекательности концепция устойчивого развития еще плохо систематизирована как новое мировоззрение и научная дисциплина. Большинство экспертов и исследователей, отталкиваясь от семантики понятия, видят в нем сбалансированное и продолжительное проявление времени (устойчивость как длительность). Однако не длительность и не время вообще в этой концепции выступают конечной целью, а сохранение человеком себя, цивилизации и планеты. Эта теоретическая сложность во многом объясняет, почему существует так много попыток дать максимально корректное определение «устойчивости».

У происхождения общего понимания, как принято считать в научной литературе, есть своя более или менее твердая дата. Это – 1984 год. Совпадение с мрачным литературным предвидением Дж. Оруэлла («1984») абсолютно случайно. Именно в этом году ООН учредила Всемирную комиссию по окружающей среде и развитию (World Commission on Environment and Development, WCED). Комиссия состояла из независимых экспертов, представляющих развитые и развивающиеся страны. Ее главной целью было распознавание долгосрочной перспективы для мирового сообщества развития окружающей среды, идентификация соответствующих проблем и вызовов. Члены комиссии впервые попытались свести к единому знаменателю разные подходы к устойчивому развитию. И тогда же выяснилось, что задача эта очень непростая. Дело в том, что сторонниками концепции устойчивого развития разные политики и эксперты становятся по совершенно разным причинам и обстоятельствам. Отсюда и отличия в главных акцентах: одни подчеркивали интересы будущих поколений, другие – актуальную справедливость и равенство, третьи – ответственность человечества перед внешней экосистемой.

«Неожиданные» вопросы позволили комиссии сформулировать тезаурус устойчивого развития. К примеру, какое «наследство» оставляет человек и человечество в результате своей деятельности? В конечном итоге комиссия все же в рабочем порядке определила устойчивость как такое *цивилизационное развитие, которое способно удовлетворить актуальные нужды и потребности мирового сообщества, не создавая рисков для будущих поколений в плане удовлетворения их грядущих нужд и потребностей* [подробнее: 4]. Это определение должно было охватывать весь комплекс проблем мировой демографии, продуктовой безопасности, сбережения экосистемы, сохранения природного многообразия, энергетику, промышленное и городское развитие.

Этико-политический ответ, данный комиссией на все эти вызовы, в известной мере предопределил как становление самой теории устойчивого развития, так и ранний опыт практического трансформирования. В сфере экономики – реформы хозяйственных практик в сторону минимизации «экоследов», рисков и конфликтов, вызванных дисгармоничным экономическим ростом. В сфере публичной политики – реконструкция существующей системы в пользу эффективного гражданского соучастия, в том числе в процессах принятия общественно значимых решений. В сфере продуктовой безопасности – переориентация аграриев на природосберегающие технологии; а в сельском хозяйстве – переход с глобально-индустриального на локальный уровень. В сфере управления – кардинальная реформа ад-

министративной культуры с целью создания более гибкого, «отзывчивого», ответственного, способного видеть и исправлять собственные ошибки менеджерского класса.

Однако, как оказалось довольно скоро, сравнительно легко принимать «правильные», согласованные решения, но крайне сложно их практически реализовывать, особенно когда благим намерениям противостоят национальные, суверенные и корпоративные интересы, косные и инерционные бюрократии, недальновидные популисты. В результате одно «потерянное» пятилетие следовало за другим, пока, наконец, уже буквально в наши дни эксперты не забили тревогу о грядущей в самом скором времени *точки невозврата*, когда одуматься, повернуться и встать на путь устойчивого развития уже будет не возможно. Этот экспертный вывод радикальным образом отразился на прикладной этике. Речь уже идет не о *простых моральных обязательствах* людей, а больше об этической *солидарности и саморегуляции*.

Несмотря на то, что человечество на рубеже столетий совершило немало «прорывных» действий в экономическом планировании, охране окружающей среды, организации транспорта, энергетики, сельского хозяйства, равно как и в городских технологиях, тем не менее, сегодняшние вызовы не утрачивают ни внутреннего накала, ни масштабности задач. Дж. Карадонна, суммируя жаркие дебаты в литературе, отчетливо формулирует мегавыводы, которые стоят сегодня перед людьми, устремленными здесь-и-сейчас на создание новой устойчивой цивилизации, которая в свою очередь уже не будет восприниматься нами ни как абстрактная экотопия (*neverland*), ни как отнесенная в отдаленное будущее политическая задача (*postfuture*), то есть как головоломка для более благоприятных времен и других поколений [4: гл. 7].

Прежде всего, перед человечеством стоит вопрос, как создать единый и разделяемый всеми метаобраз будущего и, соответственно, каким образом следовать ему как путеводному идеалу? Пока задача конструирования такой практически реализуемой утопии представляется самой сложной в этико-коммуникативном смысле. Ведь даже среди сторонников концепции устойчивого развития нет единства во взглядах и подходах, что тогда говорить о рядовых гражданах? Единственно правильным решением пока остается грамотное этико-прикладное просвещение людей, расширение круга сторонников, на своем собственном опыте ощутивших преимущества новых практик устойчивой жизни. Пускай, пока у всего человечества нет общего «образа», но мы отчетливо видим, как растет число адептов экологически правильного питания, зеленых городов и энергосбере-

гающих производств, как ширится движение в защиту дикой природы, как по всему миру усиливается децентрализация центральной власти с передачей все больших и больших полномочий на места. Глобальные перемены налицо. И происходят они не столько в силу принятия политических или дисциплинарных решений, сколько вследствие *измененного морального сознания*. А «устойчивый университет» в этой просветительской матрице играет наиважнейшую роль.

Впрочем, весьма вероятно, что в ближайшем будущем конкуренция между странами и городами будет только нарастать и, возможно, достигнет такого накала, когда единое видение станет политической «помехой» для крупных игроков. Но сегодняшняя иллюзорность единого метаобраза будущего отнюдь не мешает тому, что искомым ценностным мир устойчивого развития будет заметно прирастать сторонниками. А там, где свершается масштабный ценностный «переворот» (метанойя), рано или поздно происходят серьезные изменения во всех остальных сферах жизнедеятельности человека. В приближении же третьего десятилетия XXI века мы с удовлетворением отмечаем, что устойчивость и устойчивое развитие трансформировались в главный мировой нарратив.

В работах «зеленых экономистов» стержневым понятием становится «контр-рост» (degrowth) [см., напр.: 6]. Они не отвергают саму идею наращивания экономической мощи, но ставят этот процесс в прямую зависимость от смысложизненных ценностей человека. Не поддерживают они ни идеологию потребительства, ни варварского отношения к природе. Новой макроэкономике только предстоит вызреть, и поэтому очевидно, что идейные оппоненты еще долгое время будут противостоять друг другу на публичных подмостках и в массовом сознании жителей планеты. Поэтому на повестку дня сегодня следует вынести вопрос о том, как их все же привести к общему знаменателю? Несмотря на множество попыток, прогресс в сторону компромисса пока едва приметен.

Человек впервые в своей истории сталкивается с планетарным ресурсным дефицитом. Отныне от него требуется особая смекалка, стойкость и гибкость в выстраивании своих ресурсопотребляющих стратегий. «Упругой» именуется такая экосистема, которая способна адаптироваться к переменам. К ее характеристикам нередко относят стремление к разнообразию, принцип модульности, целеориентированную инновационность, высокий социальный капитал, чувствительность к обратной связи. Ни одному из этих признаков, к сожалению, наши социальные системы пока не отвечают.

Однако каким образом в новую эпоху могут быть гармонизированы интересы развитых и развивающихся стран, интересы богатых

и бедных? Вопрос этот, по сути, представляет абсолютную философскую головоломку, если придерживаться логики (нео)классической экономики и социологии. Уже сейчас эксперты различают два вида политик – экоэлитизм и экопопулизм. Не отдавая предпочтение какой-то одной из позиций, справедливости ради замечу, что денежное благополучие упрощает индивидуальный или групповой переход к практикам устойчивого развития. Но уже само это признание показывает, насколько сегодняшний миропорядок способствует лишь еще большему углублению дистанции между социальными полюсами как в глобальном мире, так и внутри любых национальных государств. Известные же технологии «зеленой жизни» ориентированы на всех людей, а их плоды суть общие блага. Приватизация этих благ невозможна в теории, но вполне реальна на практике, что создает серьезную проблему этической справедливости транзита. А пока большинство «зеленых» продуктов (скажем, органические и фермерские) все еще являются предметами роскоши узкого круга присвоения.

Экологи часто различают две идеологические фракции внутри лагеря сторонников устойчивого развития. Умеренные пропагандируют идею смены парадигмы в отношениях «природа-человек» и стабилизацию экосистемы. Радикалы, вдобавок к этому, настаивают еще и на том, что человечество обязано компенсировать нанесенный в прошлом ущерб окружающей среде и по мере возможности восстановить все потери. И те, и другие исходят из уникальности «природного капитала» и необходимости поменять привычную экосистемность: сегодня уже недостаточно простой природоохранной идеологии (*экопротекция*), окружающая среда после долгих веков «притеснения» и разбалансировки нуждается в особом менеджменте со стороны человека (*экосервис*). Оказание же «услуг природе» – это совершенно новая этико-прикладная повестка дня для государств (*экоэмпатия*).

Чем дальше мы продвигаемся вглубь XXI века, тем отчетливее понимаем, что климатические перемены (естественные и техногенные) становятся для нашей цивилизации гигантской проблемой. Они не только меняют наши привычные практики повседневной жизни, но и создают реальную угрозу физического уничтожения части освоенной человеком планеты. Глобальное потепление, выбросы углекислого газа, озоновые дыры, таяние ледника, повышение кислотности океана и др. Все эти широко обсуждаемые сюжеты, которые пока воспринимаются как «большие проблемы», но не как «фатальные угрозы», способные положить конец цивилизации человека. Увы, алармизм экологов пока не находит должного отклика в глобальной политике.

Если и предположить, что большая климатическая угроза магическим образом будет как-то устранена, остаются не менее серьезные проблемы, вызванные хаотичным «расползанием» человека по поверхности планеты. Ориентированная на рост и потребление цивилизация уже существенным образом нарушила сбалансированность биосферы, и никакие частные запреты на разные виды хозяйственной деятельности не вернут уже ее в прежнее состояние. А продолжающееся сверх-сверхпотребление лишь усугубляет общую ситуацию.

Реагируя на публичный дискурс, многие нынешние производители товаров, практик, услуг нарочито выпячивают свою псевдо-зеленую «заинтересованность» концепцией устойчивого развития (greenwashing). В лицемерных, а то и заведомо лживых, описаниях товаров, рекламной коммуникации все чаще проскальзывают «зеленые» нотки. Это можно понять, поскольку зеленый цвет (натуральность, органичность и т.п.) сегодня очевидно увеличивает добавленную стоимость рыночных товаров и услуг. Эксперты, попытавшиеся разобраться в ситуации, обнаружили, что в более чем 90% случаев мы имеем дело с откровенной фальшивкой, чистым рекламным фейком. В результате скандал следует за скандалом, а сама деятельность псевдоозеленителей («продавцы зеленью», как их нередко именуют журналисты) крайне негативно сказывается на символическом авторитете и публичной значимости концепции устойчивого развития. Более того, показывает, что эгоистические бизнес-интересы часто ставятся выше мирового ценностного транзита в сторону подлинного устойчивого развития. И это огромная проблема для прикладной метаэтики.

Сторонники концепции устойчивого развития парадоксальным образом стремятся к увеличению числа последователей и к тому, чтобы превратить этот процесс в массовое гражданское движение, излишне не политизируя его. Основная опасность в данном случае исходит от возможности партийного «присвоения» этого движения. Достаточно того, что в ООН устойчивое развитие – это одна из центральных тем круглогодичной повестки дня. Удивительно, но нигде в мире стихийно так и не возникла партия «устойчивого развития» (есть «зеленые», но нет «устойчивых»). По большому счету все партии сегодня, так или иначе, эксплуатируют риторику этой концепции, но не заявляют на нее свои права, как если бы существовал такой негласный договор. Политический нейтралитет и равная открытость – внутренняя установка сторонников концепции.

Наконец, никакие проекты не могут рассчитывать на успех без адекватного финансирования. А транзит к устойчивому развитию

очевидно потребует беспрецедентно внушительных инвестиций и при этом очень «длинных денег», ибо глупо ожидать быстрого возврата средств, а многие вложения и вовсе могут оказаться безвозвратными. Это, разумеется, останавливает частных инвесторов, а в условиях высокой турбулентности и колоссальных долгов не смогут на это пойти и многие национальные правительства. Значит, деньги должны приходиться из новых источников, по необычным схемам и обновленным правовым правилам. Но такая перемена условий «игры» тоже нуждается в особом этико-прикладном обосновании.

Может сложиться ложное впечатление, что все эти многочисленные преграды совершенно непреодолимы, и мы вряд ли когда-либо перейдем в новую историческую эру устойчивого развития. Такую опасность исключать нельзя. Как полагали философы эпохи Просвещения, надежда остается «надеждой» лишь потому, что может остаться нереализованной мечтой. Однако это не дает нам повода апатично принимать реальность такой, какая она есть. На удивление сторонники концепции остаются оптимистами, причем даже тогда, когда поиски решений не дают уверенно позитивных результатов. *Идеология устойчивого развития гармонично сочетает в себе научное знание, веру, моральную убежденность и гражданскую решимость.* Возможно, именно поэтому число приверженцев устойчивой прикладной метаэтики в мире неуклонно растет.

После быстрого и отчасти хаотичного роста общественного интереса к устойчивому развитию на рубеже веков, в текущем десятилетии, благодаря усилиям многих исследователей, начался мучительный процесс институционализации «устойчивости» как научной, в том числе и этико-прикладной, дисциплины (sustainability science). Мнения экспертов разделились: одни полагали, что «устойчивое развитие» вполне может стать самостоятельной отраслью знания, другие – настаивали на ее междисциплинарном характере.

Отвечая на вопрос, как должна строиться сегодня теория устойчивого развития, А. Грюнвальд предположил, что ее главным признаком должна быть абсолютная *убедительность*. В условиях бесконечных понятийных и смысловых разночтений люди все еще, по сути, находятся в знаниевой «темноте», а потому политики сохраняют за собой чересчур большой маневр для всяческих манипуляций [10]. Но как в принципе возможна убедительность, если процесс транзита к устойчивому развитию только начался, а контексты конкретных кейсов столь различны, что пока не позволяют извлечь из них обобщающих уроков. Единственный способ – построение иде-

альных моделей в режиме абстрактного руководства для практического проектирования. В этих моделях должны содержаться критерии и индексы перемен, заимствованные из точных и социальных наук, в отношении которых уже существует консенсус, и которые помогают нам сформулировать конечные цели и дорожные карты, а также постоянно мониторить прогресс. Иными словами, «наука об устойчивости» осмысливает существующий опыт (позитивный и негативный) и одновременно формулирует прикладные схемы на усмотрение политиков и проектировщиков, заинтересованных в выстраивании своего аутентичного опыта устойчивости.

Очевидно чем «наука об устойчивости» принципиально отличается от классических научных дисциплин. С одной стороны, она по преимуществу – наука об отношениях (между человеком и природой, производительной деятельностью людей и биосферой, и не в последнюю очередь о справедливых отношениях людей друг с другом), а не о сути самих явлений. С другой стороны, она в большей степени выступает в качестве научной «призмы зрения» на происходящие в мире процессы, помогает людям самим выстраивать адекватные программы необходимых перемен. Для этого пригодны разные призмы: технологов, инженеров, представителей естественных и точных наук, философов и этиков, социологов и урбанистов. Но одновременно она еще и наука дискурсивная, поддерживающая публичные дискуссии на высоком уровне, адекватном вызовам времени. Только так она производит новое знание в равноправном диалоге ученых, экспертов и всех заинтересованных граждан.

Иными словами, теория устойчивого развития – это интеллектуальный «импульс сбоку». Практику творят люди, вовлеченные в процесс перемен. Сами переменные инициируются преимущественно «снизу» и обязательно поддерживаются «сверху». А мыслительно стимулируются и экспертно сопровождаются теорией устойчивого развития «сбоку». Такой своеобразный про-активный треугольник общественного прогресса сформировался, пожалуй, впервые в мировой истории. Но этот *воображаемый треугольник дает отчетливое представление о субъектах этико-прикладной деятельности и рефлексии.*

У неискушенного читателя при знакомстве со специальной литературой может сложиться не вполне корректное впечатление, что эксперты в области устойчивого развития, скорее, «специализируются» на постановках сложных и волнующих всех нас вопросах, на формулировании алармистской «повестки дня» во временном режиме «если ничего не менять, то завтра уже будет поздно!», чем предлагают понятные и технологически реализуемые схемы практических

действий. Это впечатление небезосновательно. Конкретные шаги всегда дело конкретных сообществ (профессиональных и гражданских, территориальных и городских, предпринимательских и корпоративных). Задача «науки об устойчивости» не допустить популизма простых и плохо продуманных решений, где взвешенные долгосрочные стратегии будут принесены в жертву популистской тактике [12]. Но выбор действия всегда останется за людьми, практикующими устойчивое развитие и вступающими друг с другом в заинтересованный *этико-прикладной полилог*.

Список литературы

1. *Angus I.* Facing the Anthropocene. Fossil Capitalism and the Crisis of the Earth System. New York: Monthly Review Press, 2016.
2. *Appleton J.* (Ed.) Values in Sustainable Development. London – New York: Routledge, 2013.
3. *Browne L. R.* Building a Sustainable Society. New York: Norton, 1981.
4. *Caradonna J.L.* Sustainability. A History. Oxford: Oxford University Press, 2014.
5. *Carley M., Christie I.* Managing Sustainable Development. London: Verso, 2000.
6. *D'Alisa G., Demaria F., Kallis G.* (Eds.) Degrowth. A Vocabulary for a New Era. New York – London: Routledge, 2015.
7. *Dalton A. M., Simmons H. C.* Ecotheology and the Practice of Hope. Albany: Suny Press & State University of New York Press, 2010.
8. *Dillard J., Dujon V., King M. C.* (Eds.) Understanding the Social Dimension of Sustainability. New York – London: Routledge, 2009.
9. *Esteban M., Akiyama T., Chen Ch., Ikeda I., Mino T.* (Eds.) Sustainability Science. Dordrecht: Springer International, 2016.
10. *Grunwald A.* What Kind of Theory Do We Need for Sustainable Development? // Enders J. C., Remig M. (Eds.) Theories of Sustainable Development. London – New York: Routledge, 2014. P. 16-29.
11. *Ikerd J.E.* Sustainable Capitalism. A Matter of Common Sense. Bloomfield: Kumarian Press, 2005.
12. *Luks F.* Theories of «Sustainability» and the Sustainability of Theories // Enders J. C., Remig M. (Eds.) Theories of Sustainable Development. London – New York: Routledge, 2014. P. 81-88.
13. *Macekura S. J.* Of Limits and Growth. The Rise of Global Sustainable Development. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

14. *Marques J.* Moral Underpinnings of Sustainability // Dhiman S., Marques J. (Eds.) *Spirituality and Sustainability. New Horizons and Exemplary Approaches*. Dordrecht: Springer International, 2016. P. 33-48.

15. *McKibben B.* *The End of Nature*. New York: Random House, 1989.

16. *McKibben B.* *Enough. Staying Human in an Engineered Age*. New York: Times Books, 2003.

17. *McKibben B.* *Deep Economy. Economics as if the World Mattered*. Oxford: One World, 2007.

18. *Perdy J.* *After Nature. A Politics for the Anthropocene*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2015.

19. *Shiva V.* *Caring for What We Care About* // Appleton J. (Ed.) *Values in Sustainable Development*. London – New York: Routledge, 2013. P. 7-17.

20. *Springett D., Redclift M.* *Sustainable Development: History and Evolution of the Concept* // Redclift M., Springett D. (Eds.) *Routledge International Handbook of Sustainable Development*. London – New York: Routledge, 2015. P. 3-38.